

КОПЬЯ С ЗАВИТКАМИ – ОТРОЖКАМИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РУССКИХ, ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVII–XVIII ВЕКАХ*

В статье анализируются наконечники копий с завитками (или отрожками), обнаруженные на территории Южной Сибири. В результате проведенного исследования авторы статьи пришли к заключению, что такие образцы копий оказались на вооружении у воинов тюркских и монгольских народов под влиянием контактов с русскими служилыми людьми в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Центральная Азия, XVII–XVIII вв., русские служилые люди, тюркские и монгольские народы, копия.

Со времени первых походов в Сибирь русским казакам и служилым людям пришлось столкнуться с боеспособными воинскими силами государственных и племенных образований тюркских и монгольских народов – сибирских татар, телеутов, енисейских кыргызов, джунгар, бурят и других. Несмотря на большой воинский опыт казаков и служилых людей, обладание ими огнестрельным оружием, военные отряды этих народов оказывали упорное, зачастую многолетнее, сопротивление стремлению российских властей включить лесостепные и степные пространства Сибири в состав Российского государства. Как показали анализ сведений письменных исторических источников и изучение археологических материалов, русские люди, тюркские и монгольские народы в результате продолжительных контактов оказывали друг на друга взаимное влияние в разных сферах жизнедеятельности, в том числе в области военного дела.

Межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение оружейных комплексов русских людей и коренных жителей Сибири фиксируются уже на материалах конца XVI – начала XVII в. Судя по изученным материалам, данный процесс начался почти сразу после того, как землепроходцы приступили к освоению лесных и лесостепных просторов Зауралья. В предшествующих работах авторам настоящей статьи уже приходилось рассматривать результаты этого масштабного военно-культурного взаимодействия на примере сходства комплексов защитного вооружения, некоторых видов наступательного оружия дистанционного и ближнего боя у русских воинов, служивших в Сибири, и тюркских и монгольских народов данного региона [Бобров, 2006; Бобров, Худяков, 2004а; 2004б; 2005а; 2005б; 2006а. С. 183–199; 2006б].

После прихода в южные районы Сибири русские служилые люди смогли испытать в боевых условиях и быстро оценить высокие

* Работа выполнена при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/1822) и РГНФ (проект № 10-01-00258а).

боевые характеристики защитного панцирного вооружения тюркских и монгольских народов Центральной Азии [Худяков, 2002]. Поэтому они активно покупали, обменивали или изымали иными способами у местного населения панцири, шлемы и другие дополнительные защитные приспособления. В ходе военных экспедиций в Восточную Сибирь и на Дальний Восток ими, наряду с восточно-европейскими кольчугами, активно использовались сибирские татарские, бурятские, монгольские и якутские пластинчато-нашивные «куяки», клепаные «шеломы» и «наручи» [Бобров, 2006]. Помимо защитного вооружения, несмотря на обладание огнестрельным оружием, значительной популярностью пользовались сложносоставные луки местного производства и различные виды клинкового оружия ближнего боя [Бобров, Худяков, 2005а. С. 273].

В свою очередь, воины из числа тюркских и монгольских сибирских и центрально-азиатских народов проявляли значительный интерес и неоднократно выражали стремление приобрести у русских огнестрельное оружие. Хорошо понимая, какие негативные последствия для безопасности русского населения в Сибири может повлечь за собой торговля таким оружием, царское правительство ввело запретительные меры на продажу ружей и боеприпасов «сибирским иноземцам». Однако эта торговля велась нелегально. Западные монголы (ойраты, или калмыки) приобретали и активно применяли импортное огнестрельное оружие уже в первой трети XVII в. В этот же период трофейные русские ружья начали использовать енисейские кыргызы, несколько позже, во второй половине XVII столетия – буряты.

В течение XVII – первой половины XVIII в. монгольские правители неоднократно обращались к российскому правительству и сибирской администрации с просьбой прислать им различные предметы вооружения русского или западно-европейского производства. Русские пищали и ружейная амуниция вызывали живейший интерес не только у степных владетелей, но и военных чиновников империи Цин. Естественно, что наибольшее внимание сибирских и центрально-азиатских военачальников привлекало огнестрельное оружие. Однако довольно частыми были их просьбы о присылке и

других видов вооружения. Известны случаи, когда правители Северной Монголии в XVII в. настаивали на присылке им из России «железа, в чем (русские. – Л. Б., Ю. Х.) воинские люди на войну ездят», т. е. защитных доспехов [Международные отношения..., 1989. С. 50]. Почти через сто лет после этого события джунгарский правитель Галдан-Церен отправил в Москву «для обучения в деле сабель и других вещах» своих оружейных мастеров. В то же время длинное древковое колющее оружие – копья и рогатины – включалось в число подарков значительно реже. Однако отдельные подобные факты отправки русских копий центрально-азиатским правителям все же фиксируются в русских письменных источниках. Известно, например, что в 1691 г. монгольскому князю, тайджи Мерген Ахаю, в числе прочих подарков было преподнесено «копье без цены» [Материалы..., 2000. С. 314].

Холодное оружие, имевшееся на вооружении у русских воинов, пришедших из Восточной Европы, привлекало коренных жителей Южной Сибири и Центральной Азии, прежде всего, своими высокими боевыми характеристиками, качеством исполнения, новизной форм, оригинальными для региона конструктивными решениями. Дополнительным фактором, способствовавшим росту популярности русского оружия среди коренного населения, служило то обстоятельство, что царское правительство использовало его вручение в качестве награждения и поощрения лояльных Москве правителей тюркских и монгольских государственных и племенных образований. Предметы вооружения, присланные в дар могущественным «Белым ханом» (русским царем. – Л. Б., Ю. Х.), значительно поднимали авторитет местного правителя в глазах его соседей и соперников, так как по кочевым традициям Великой Степи вручение оружия в качестве дипломатического дара символизировало военно-политическое покровительство со стороны более могущественного властителя.

Необходимо отметить, что в позднем средневековье и в Новое время, по сравнению с предшествующими ранним и развитым средневековьем, значимость использования длинных кавалерийских копий и пик в комплексе вооружения центрально-азиатских и южно-сибирских народов значитель-

но возросла. Это обуславливалось целым рядом причин. Во-первых, копьа, производство которых было достаточно простым, можно легко изготовить в условиях местного кузнечного оружейного производства. Во-вторых, для них использовалось сравнительно небольшое количество высококачественного металла. Все это делало копьа доступным оружием практически для всех категорий воинов. Увеличение в монгольских армиях численности воинов, вооруженных копьями и облаченных в панцирные доспехи, привело к повышению значимости ближнего боя, начальной фазой которого была атака конных копейщиков. Для увеличения силы таранного удара по противнику отрядов конных воинов, копьями стали вооружать не только латников, но и легковооруженных всадников, что повышало их устойчивость в ближнем бою. В ходе сражения легковооруженные копейщики должны были поддерживать атаку конных панцирных всадников. Кроме этого, копьа и пики стали использоваться кочевыми воинами и в пешем строю. Ими были вооружены спешенные монгольские воины – цирики, которые должны были оборонять пеших стрелков, вооруженных луками или ружьями [Бобров, 2001. С. 13–14; 2002. С. 96–97; 2007].

Подавляющая часть длинного древкового оружия, использовавшаяся центрально-азиатскими и южно-сибирскими воинами, изготавливалась местными оружейными мастерами. Количество импортной продукции среди копий, имевшихся у них на вооружении, было сравнительно невелико. Однако несмотря на это обстоятельство, в составе комплекса наступательного вооружения разных этнических групп Южной Сибири фиксируются отдельные оригинальные по своей конструкции наконечники копий, снабженные не характерными для оружейной ремесленной традиции этого региона деталями – округлыми завитками или отрожками на шейке пера, между плечиками пера и втулкой. Большинство из этих предметов вооружения хранится в оружейных коллекциях сибирских музеев и относится к числу случайных находок. Отсутствие точных аналогий в раннесредневековых археологических материалах приводило к тому, что эти предметы нередко не дифференцированно относились исследователями к вооружению средневековых кочевников «мон-

гольского времени», или обобщенно к периодам развитого и позднего средневековья [Горбунов, Тишкин, 1998. С. 264]. Поэтому в данной статье авторы предлагают установить причины и особенности распространения у населения южных районов Сибири и северных окраин Центральной Азии длинного древкового колющего оружия с характерными отличительными особенностями в оформлении наконечников – наличием в нижней части пера или на его шейке боковых завитков, или отрожков. Наличие близких аналогий среди западно-европейского и русского длинного древкового оружия позволяет уточнить период их бытования и боевого применения на этой территории.

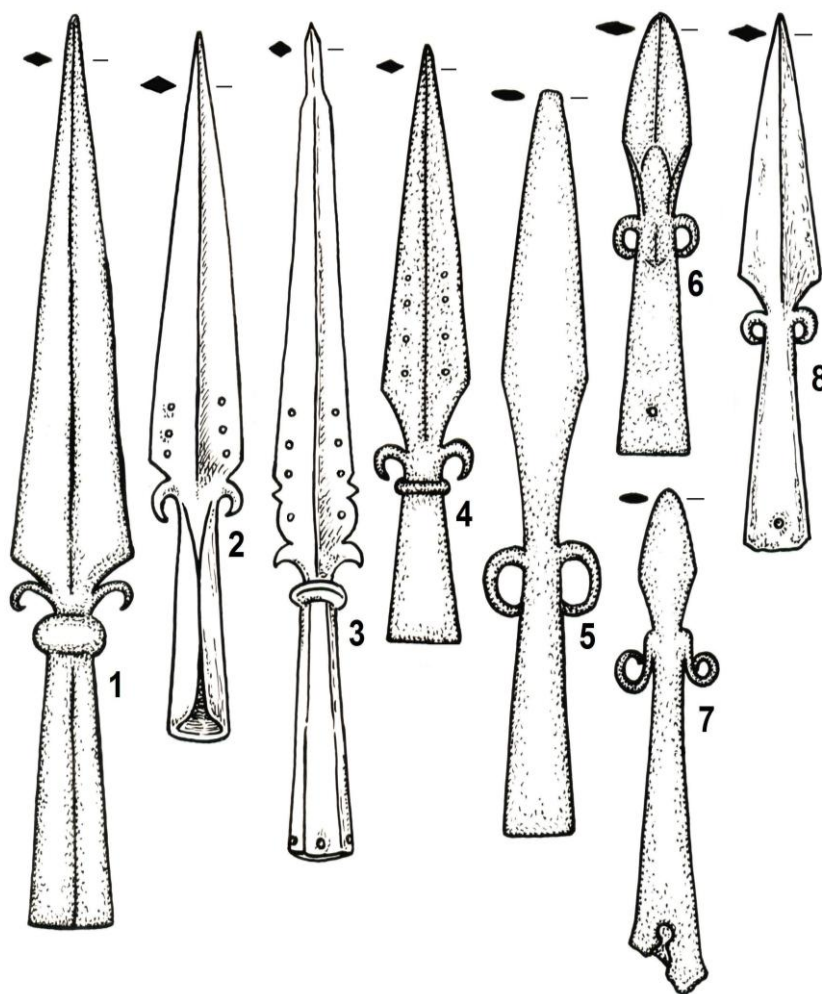
Судя по изобразительным источникам, в странах Европы подобные копьа с перекладиной или завитками на шейке пера начали использоваться еще в период античности, но продолжали применяться в качестве охотничьего оружия при охоте на крупных и опасных диких животных и в средние века. Наличие перекладины, иногда загнутой с обеих сторон, считалось характерной особенностью охотничьего копьа в Македонии и Римской империи [Блэкмор, 2006. С. 118]. Близкие по конструкции копьа с перекладиной и завитками на шейке пера применялись охотниками из государств Западной и Центральной Европы в развитом и позднем средневековье [Худяков, 2009]. Подобные копьа с обособленным пером и выступающими боковыми крыльями экспонируются в самых известных музеях Европы и Америки. Одно из них, принадлежавшее императору Священной Римской империи германской нации Фридриху III, экспонируется в Музее искусств в Вене [Блэкмор, 2006. Рис. 47]. Вероятно, во время опричнины, в периоды Смуты и последующего укрепления централизованного Московского царства, когда на территории России и Сибири оказалось немало европейцев, приглашенных в качестве военных специалистов, копьа с подобными завитками также получили распространение.

Прекрасно сохранившийся наконечник копьа с уплощенно-ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы, боковыми, направленными в стороны, загнутыми завитками, овальным ограничителем – «яблоком» и конической втулкой, найден в Среднем Поволжье, в Цивильском уезде Казанской губернии (находка экспонируется

в Национальном музее Республики Татарстан в г. Казань) (см. рисунок ниже, изображение 1). Это копье относится к русскому оружию и датируется XVII в. По оценке музейных специалистов, многие «подобные наконечники снабжены у краев рядами небольших отверстий», а в месте «соединения боевой части со втулкой размещается сферическое расширение (яблоко) с поперечной гранью» [Гасимов, 2003. С. 45]. находка из Среднего Поволжья может служить надежной аналогией для сибирских наконечников копий с отрожками, часть которых, видимо, представляет собой имитации настоящих отрожков. Другими, наиболее точными аналогиями для кольцевидных «завитков» на выявленных к настоящему времени южно-сибирских копьях, являются «отрожки» («отроги»), которые имелись у некоторых крупных массивных наконечников русских

рогатин из Восточной Европы (изображения 2, 3). В свою очередь, русские копья и рогатины с «отрожками» находят хорошие аналогии среди западно-европейских копий с перекладинами и завитками на втулках.

Ранние варианты русских «наконечников с отрожками» датируются XVI в., однако наибольшее распространение этот оформительский элемент получил в XVII в. Русские мастера снабжали отрожками почти исключительно наконечники копий с широким листовидным (ромбическим, реже линзовидным в сечении) пером и массивной втулкой. За таким оружием в отечественной исторической литературе (со слов русских служилых людей XVII в.) закрепилось название «рогатина». Общая длина наконечников русских рогатин с отрожками XVII в. обычно составляет от 24 до 48,5 см. Ширина пера – от 4 до 7,7 см. Поздние экземпляры

Железные (стальные) наконечники рогатин и копий с отрожками:

- 1 – Среднее Поволжье (по: [Гасимов, 2003. С. 45]); 2, 3 – Восточная Европа; 5 – лесостепной Алтай;
6 – Забайкалье; 4, 7 – Минусинская котловина (по: [Худяков, 2002. Рис. 1, 5, 16]);
8 – Южная Сибирь. Масштаб разный

наконечников рогатин украшены вдоль пера двумя параллельными рядами сквозных отверстий (изображения 2, 3). Некоторые из таких наконечников имеют зауженное, штыковидное острие. Достаточно распространенным элементом оформления русских рогатин были декоративные шаровидные расширения – «яблоки», размещавшиеся на шейке непосредственно под отрожками [Гасимов, 2003. С. 45].

В отношении функционального назначения завитков имеются различные предположения. По мнению одного из авторитетных исследователей первой половины XX в. В. А. Городцова, основной функцией этих переключков было не допустить слишком глубокого проникновения наконечника в поражаемую поверхность, что могло усложнить его последующее извлечение. Наконечники с переключками обычно использовались во время охоты. По предположению В. А. Городцова, отрожки русских охотничьих рогатин не давали возможности медведю подгрести под себя охотника: «Охотничьи рогатины употреблялись в медвежьих охотах. В более позднее время они отличались от боевых отрогами, или, вернее, переключками, отсутствующими у боевых рогатин. Назначение этих отрогов состояло в том, чтобы зверь, взятый на рогатину, не обрушивался на охотника, пронизав себя всею рогатиной» [Городцов, 1913. С. 9–10]. Однако, вопреки мнению некоторых российских исследователей, такие копыя, имевшие характерное декоративное оформление, применялись и в ходе боевых действий.

В Сибирь русские рогатины с отрожками попали, вероятно, уже в конце XVI в., с первыми отрядами казаков и служилых людей. Не позднее первой половины XVII в. с ними смогли познакомиться тюркские и монгольские воины. Длинное древковое оружие русского производства могло попадать в руки центрально-азиатских и южно-сибирских воинов не только в качестве подарков или в процессе торгового обмена, несмотря на категорические запреты царских властей [Бобров и др., 2010. С. 64], но и в ходе военных действий в виде военных трофеев. Такая вероятность вполне допустима, поскольку русская рогатина с отрожками и сквозными отверстиями на пере была обнаружена на территории одного из кыргызских княжеств в Минусинской кот-

ловине. Российские историки, неоднократно отмечавшие факты широкого применения землепроходцами огнестрельного оружия, длительное время не уделяли должного внимания длинному древковому оружию служилых людей. А между тем оно играло исключительно важную роль в ходе военных столкновений с енисейскими кыргызами, бурятами и ойратами, атаковавшими противника в конном строю. Накануне знаменитого похода отряда под командованием Андрея Дубенского в 1626 г. из 300 казаков (три атамана, шесть пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых) 206 человек, т. е. две трети состава отряда, были вооружены копыями. Однако этого руководителя русской военной экспедиции показалось не достаточным, поэтому из Тобольска в Енисейск были отправлены подводы с железом, для того чтобы тамошние кузнецы выковали еще 64 недостающих копейных наконечника. Таким образом, предполагалось, что из 300 участников похода 270 будут вооружены длинным древковым оружием [Бахрушин, 1959. С. 19]. Хорошо знавший военное дело енисейских кыргызов Я. О. Тухачевский писал в Москву в 1639 г.: «И тех твоих государевых изменников всех знаю и бой видел...и сними, государь, изменники, твоим государевым людям без копей битца не мощна»; московские власти прислушались к предостережениям Тухачевского и почти поголовно снабдили русских служилых, отправлявшихся в поход против енисейских кыргызов, длинным древковым оружием [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995. С. 91–94].

В Минусинской котловине в разные годы были обнаружены различные по своим конструктивным особенностям наконечники копий и рогатин с отрожками. Несколько таких наконечников копий происходит из собрания Минусинского музея.

У одного наконечника выделяется массивное перо уплощенно-ромбического сечения и удлиненно-ромбической формы. На гранях пера по его обеим сторонам имеются округлые отверстия. На шейке наконечника с обеих сторон выполнены закругленные завитки, или отрожки, приостренные концы которых не соединяются с поверхностью втулки. Ниже отрожков на втулке имеется поперечное кольцо (изображение 4). По своим конструктивным особенностям этот наконечник в наибольшей степени подобен русским копыям и рогатинам из Восточной

Европы, включая Среднее Поволжье. Вероятнее всего, он был изготовлен русскими оружейниками и может быть примером заимствования енисейскими кыргызами русского длинного древкового оружия [Бобров и др., 2010. С. 62].

Другой наконечник из Минусинской котловины имеет плоское в сечении перо ромбической формы и два боковых завитка, или отрожка, загнутых в сторону пера, длинную, частично обломанную конусовидную втулку с отверстием для крепления к древку. По форме пера и соотношению длины пера и втулки можно предполагать, что изделие этого вида могло служить наконечником метательного копья (изображение 7). Вероятнее всего, наконечник является местным подражанием копью русского изготовления. Местные мастера упростили конструкцию пера и загнули отрожки в противоположную сторону. Несмотря на такие конструктивные отличия, данный предмет также можно отнести к числу наконечников копий с завитками, или отрожками.

Один наконечник копья с отрожками происходит с территории лесостепного Алтая. Он имеет плоское в сечении удлинненно-ромбическое перо с обломанным острием, покатые плечики, загнутые в кольцо боковые отрожки и конусовидную втулку (изображение 5). Вероятно, этот наконечник был изготовлен местным алтайским или шорским мастером и использовался в качестве длинного древкового оружия телеутскими воинами [Там же. С. 88].

В Восточном Забайкалье был найден наконечник с ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы, боковыми загнутыми в кольцо завитками и конусовидной втулкой с округлым отверстием для крепления к древку (изображение 6). Вероятно, он был изготовлен бурятским кузнецом, знакомым с русской военно-культурной традицией [Там же. С. 256].

Еще один наконечник копья из Южной Сибири имеет массивное, ромбическое в сечении перо удлинненно-ромбических очертаний с завитками, свернутыми в кольцо таким образом, что концы завитков соединены с поверхностью конусовидной втулки. В нижней части втулки выполнено округлое отверстие для крепления наконечника к древку копья (изображение 8). По всем основным параметрам этот предмет подобен русским наконечникам копий с отрожками,

но имеет упрощенную модификацию, без отверстий на гранях пера и поперечного кольца на шейке под отрожками. Можно полагать, что он был изготовлен русским оружейником, а его более простая конструкция объясняется ограниченными местными условиями изготовления, либо тем, что такие копия были рассчитаны на сбыт коренным жителям Южной Сибири.

Южно-сибирские мастера стали снабжать наконечники собственного производства характерными завитками – «отрожками», видимо, в стремлении подражать русским оружейникам. Конструктивные особенности оформления отрожков на русских и азиатских наконечниках копий обычно совпадают. Однако если в русском исполнении ими снабжались мощные, применявшиеся в основном для ближнего боя в пешем или конном строю, копия и рогатины с ромбическим в сечении пером, то в Южной Сибири украшались не только копия с уплощенным пером, но и сравнительно небольшие наконечники копий и даже дротиков. В целом отрожки у монгольских и южно-сибирских копий и дротиков более тонкие, чем у русских рогатин, а также в некоторых случаях не в полной мере симметричные. Кроме того, отрожки у русских копий и рогатин, все без исключения, закручены вниз, в сторону втулки, а среди центрально-азиатских и южно-сибирских экземпляров встречаются отрожки, закрученные вверх, в сторону пера наконечника (изображение 7). Отрожки русских рогатин почти всегда разомкнуты и представляют собой полукруглые или округлые завитки, а местные оружейники при изготовлении таких копий сворачивали отрожки в кольцо. Последнее обстоятельство, скорее всего, подтверждает предположение, что они воспринимали отрожки не как функциональные, а декоративные элементы в оформлении копий, кольцевые же петли создавали для закрепления флажка или бунчука.

Появлению отрожков на центрально-азиатских и южно-сибирских наконечниках копий и дротиков способствовали и некоторые местные оформительские традиции. Так, округлая форма отрожков, по всей видимости, напоминала оружейникам характерный для Южной Сибири декоративный элемент, присутствовавший на многих элементах предметов материальной культуры, том числе и на оружии, и известный под на-

званием «бараний рог». Кроме того, в образованные отрожками круглые отверстия действительно можно было пропускать крепящие ремешки бунчуков из конского волоса или мелко нарезанных шелковых лент, а также упоминающиеся в эпических сказаниях тюркских и монгольских народов «значки» из звериных шкур. Бунчуки и значки выделяли из общей массы воинов командиров подразделений и прославленных «багатуров» [Бобров и др., 2010. С. 235].

Таким образом, распространение копий с отрожками в Южной Сибири и Центральной Азии может быть важным свидетельством факта значительного взаимовлияния и взаимопроникновения военного дела русского населения, тюркских и монгольских народов в позднем средневековье и начале Нового времени.

Список литературы

Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. 257 с.

Блэкмор Г. Л. Охотничье оружие. От средних веков до двадцатого столетия. М., 2006. 432 с.

Бобров Л. А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 11–19.

Бобров Л. А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего Средневековья // *Para-Bellum: военно-ист. журн. Спец. вып.* СПб., 2002. № 13. С. 93–98.

Бобров Л. А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI – XVII вв.) // *Para-Bellum: военно-ист. журн.* СПб., 2006. № 26. С. 77–98.

Бобров Л. А. Петроглифы бассейна реки Чаган как иконографический источник по военному искусству народов Центральной Азии и Южной Сибири второй половины XVII–XVIII веков // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 266–269.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимовлияние тюркских и мон-

гольских народов с русскими в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири в XVII в. // *Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф.* Красноярск, 2004а. Ч. 2. С. 95–97.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири // *Материалы конференции: «Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы».* М., 2004б. С. 38–41.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Опыт изучения защитного вооружения русских воинов XVI–XVII вв. в Сибири // *Культура русских в археологических исследованиях.* Омск, 2005а. С. 268–275.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Этнокультурные контакты русских с джунгарами в военном деле в XVII–XVIII вв. // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН.* Новосибирск, 2005б. Т. 9, ч. 1. С. 228–232.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. О роли якутского оружейного комплекса в эволюции военного искусства русских землепроходцев XVII в. // *Древности Якутии. Искусство и материальная культура.* Новосибирск, 2006а. С. 183–199.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Этнокультурные особенности развития военного дела в Джунгарском ханстве в последней трети XVII – первой половине XVIII вв. (Военные реформы в условиях кочевой государственности) // *IX Междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых.* М., 2006б. С. 18–23.

Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. 256 с.

Гасимов О. Р. Оружие в собрании Национального музея Республики Татарстан. Казань, 2003. 160 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы*

междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 262–266.

Городцов В. А. Описание холодного оружия. Копье и пика. Рогатина. Навершие знамени. Отчеты императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1911 г. Приложение. М., 1913. 20 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений 1685–1691: Сб. док. М., 2000. 488 с.

Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1. 375 с.

Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 65–88.

Худяков Ю. С. Охотники и оружие в древности и средневековье // Восток. 2009. № 4. С. 137–139.

Материал поступил в редколлегию 24.02.2010

L. A. Bobrov, Yu. S. Khudyakov

**SPEARS WITH SCURLS AS AN EXAMPLE OF INTERFERENCE RUSSIAN,
TURKIC AND MONGOLIAN MILITARY-CULTURAL TRADITIONS
IN TERRITORY OF SOUTHERN SIBERIA IN XVII–XVIII CENTURIES**

In clause the tips of spears with scurls (rings) which have been found out in territory of Southern Siberia are analyzed. As a result of the carried spent research the authors of clause came to the conclusion that such samples of spears have appeared on arms at Turkic and Mongolian peoples under influence of contacts with Russian in XVII–XVIII centuries.

Keywords: Southern Siberia, Central Asia, XVII–XVIII of century, Russian people, Turkic and Mongolian peoples, spears.